

«Нас вчера поздравляли с 23 февраля, много слов говорили, песни пели, а потом и танцы были. Я даже вальсировал с одной барышней из хора ветеранов, – говорит Василий Михайлович, а сам в свою супермодную бородку улыбается. – А завтра у меня тоже торжество – всего 90 лет стукнет, гостей жду». Вот такой он легкий и веселый человек – Василий Михайлович Андросов, который живет в пансионате для ветеранов войны на Майском проезде, 1.

Начальник летучки ВАСИЛИЙ АНДРОСОВ

На фронт Василий Михайлович попал в самом начале войны и вплоть до ранения под Москвой в ноябре 1941-го прошел тяжелыми дорогами отступления с 21-й армией, оказавшейся на пути немецкой группы армий «Центр».

В 1939 году девятнадцатилетний выпускник школы отправился из родного села Большой Карай Саратовской области в областной центр, где и поступил в медицинский институт. Но поучиться удалось лишь две недели.

– В 1939 году, видимо, в связи с началом войны в Европе, меня призвали в армию. Всего с нашего первого курса взяли человек двадцать, – вспоминает Андросов. – В военкомате предложили на выбор военные училища – танковое, артиллерийское... Я же выбрал Харьковское военно-медицинское, чтобы все-таки не терять связь с выбранной профессией.

Училище готовило военных фельдшеров, программа была рассчитана на два года обучения. Закончил учебу я 15 июня 1941 года, ровно за неделю до войны. Мне присвоили звание лейтенанта медицинской службы. Получил назначение в Кременчуг Полтавской области, в противотанковый дивизион 102-й дивизии.

Прибыл на место 19 июня. Моя часть была в полевых лагерях, и мне предложили не тратить время на ее ожидание, а провести занятия с санитарями в медсанбате. А через два дня объявили войну...

– 102-я дивизия была укомплектована по штатам мирного времени, на треть, – продолжает Василий Михайлович. – Но пополнение прислали быстро, и уже дней через пять нас отправили на Западный фронт, в Гомель. Там при разгрузке на станции и получили первый привет от фашистов – налетели юнкеры, сбросили несколько бомб. Нам повезло – убитых не было. Только восемь раненых. На пару с санитаром оказали им помощь.

От Гомеля дивизия отправилась маршем на запад, пытаясь организовать контрнаступление. Немцы к концу июня уже заняли в Белоруссии правый берег Днепра. 28 июля начались бои. Нашим удалось даже перейти Днепр и отодвинуть немцев западнее, но затем под угрозой окружения пришлось вновь отойти...

Василий Михайлович почти по дням рассказывает, как и куда передвигалась дивизия, сыплет названиями, рассказ почти хрестоматийный, а я к нему с глупыми вопросами:

– А страшно было?

Он ответил без всякого геройства:

– Страшно было... Но я видел и тех, кого именно страх до смер-

Фото Екатерины Долговой. Коллаж Владислава Азеріона

ти довел. Были так называемые самострелы: чтобы не идти на передовую, вредили себе ногу или руку – только лишь бы в тыл отравили. На моих глазах десять таких расстреляли перед строем. Разные были ребята: и совсем юные, и пожилые солдаты.

Полевой медпункт Андросова располагался метрах в трехстах от передовой. Сюда доставляли раненых, которым оказывали первую помощь, а фельдшеры занимались уже более серьезными вещами: останавливали кровотечение хирургическими методами, переливали кровь, выводили из травматического шока... Личного оружия врачам не давали, хотя немцы вполне могли прорваться к медпунктам. Хотя какое там оружие – о своей защите медики не думали: раненые шли потоком, один за другим, головы лишней раз не поднимаешь, в лицо солдату не посмотришь.

После отступления к Гомелю 21-я армия, в состав которой входила 102-я дивизия, вела бои за город в течение недели. Затем пришлось отступать на Рогачев, на Жлобин... Армия постоянно цеплялась за промежуточные рубежи, но удержать их подолгу не могла и продолжала отходить. Лишь у Смоленска немцев сумели задержать на два месяца, сорвав тем самым их быстрое наступление на Москву, но какими жертвами...

– Смоленск три раза переходил из рук в руки. Шли бои и на улицах, и вокруг города, – говорит Василий Михайлович. – Раненых – тьма. Большею частью ранения осколочные – от авиаци-

онных бомб, снарядов. Много наших пострадало от минометных обстрелов. Пулевых ранений раза в три меньше, чем осколочных.

...Поздней осенью дивизия вела бои в районе Наро-Фоминска. 15 ноября началось последнее немецкое наступление по плану «Тайфун», а через день осколками снаряда, разорвавшегося на полевом медпункте, был ранен Василий Андросов – в плечо и шею. Захватило шейный позвонок, лечиться пришлось до апреля 1942-го в Пензе. Из госпиталя Василий Михайлович вышел уже старшим лейтенантом.

– После госпиталя я попал в расположение 40-й армии на Воронежский фронт, – вспоминает Андросов. – Меня назначили на должность начальника военно-санитарной летучки. Это восемь вагонов, в которых были операционная, перевязочная, кухня... Эти восемь вагонов ставили в середине состава из нескольких десятков вагонов, заполненных ранеными. В поезд грузили тех, кого уже обработали в полевых лазаретах, и отвозили на фронтную госпитальную базу.

Первую погрузку проводили на станции Касторной, под Старым Осколом. Немцы тогда рвались к Воронежу. Меня предупредили: будет не меньше шестисот раненых. Я попросил у коменданта станции тридцать вагонов.

Составили поезд, начали грузить раненых. Стоны, крики, три часа заняла погрузка, конечно, раненых оказалось гораздо больше, чем шесть сотен. Прямо к поезду подъезжали танки, облеп-

ленные ранеными. Некоторые танки с оторванными башнями, но на ходу... А вокруг – не только орудийная, но и пулеметная стрельба. «Быстрее заканчивайте погрузку, дивизионные тылы уже отходят!» – торопит комендант. Подали паровоз – и тут налетели с воздуха фашисты. Прямо перед составом рельсы разворотило взрывами. Что делать? Собрал легкораненых, которые могли ходить. Еле-еле стащили покореженные рельсы, принесли новые. Кое-как вместе с железнодорожниками поставили. Отправился, наконец. Через Елец и Липецк на Тамбов. Дали мне тогда медаль «За боевые заслуги», хотя медиков вообще редко награждали. Но тут с формулировкой «за погрузку раненых в боевых условиях» наградили.

С лета 1942 года и до конца войны военно-санитарный поезд, начальником которого был Василий Михайлович Андросов, вывез с прифронтовых станций в тыловые госпитали около ста тысяч раненых.

Дальше так и пошло – три года на рельсах. Постоянно летучка каталась туда-обратно, от передовой до фронтной госпитальной базы. База двигалась за фронтом на запад – из Тамбова в Курск, потом Киев, Львов, Жешув... Так докатились и до предместья Берлина...

Санитарные поезда везли раненых в тыл, имея опознавательные знаки – огромные красные кресты на крышах и стенах вагонов. Но немецких летчиков это не

останавливало: уж если не бомбу метнут, так пострелять по поезду с ранеными из пулеметов не отказывались.

– Было один раз прямое попадание бомбами в два вагона, – говорит Андросов. – Сорок убитых, 25 повторно раненых. А пулей один раз медсестре колено раздробило – пришлось ногу девчонке ампутировать... Потом в 43-м к нам начали прицеплять платформу с зенитной пушкой и пулеметом, с тех пор немцы боялись низко опускаться, редко по поезду попадали.

Самая большая погрузка раненых – сразу две тысячи на станции Дарница под Киевом после его освобождения в ноябре 1943 года. За нее я получил орден Красной Звезды. Уплотняться в вагонах пришлось на все сто. Начальник санитарной службы отправил взвод солдат наломать еловых веток и уложить ими полы в вагонах, чтобы раненым хоть чуточку удобнее было ехать.

А в 44-м пришлось мне единственный раз в жизни немцу помощь оказывать. Прицепили к нашему составу вагон с пленными. Охраняли его энкаведэшники, один из них меня зовет: иди, мол, посмотри, немцу плохо. Мы пошли с медсестрой, а у того кровь сочится из плеча, весь уже ею измазан. Перевязали сосуды, наложили новую повязку, остановили кровотечение. «Гут, гут, доктор», – закивали немцы. А мы с сестрой бегом из вагона. Немцев ведь на улицу не выпускали, запах стоял ужасный...

В том же 44-м после налета наша летучка на станции Шепетовка сгорела дотла, хорошо хоть вагоны пустыми стояли – успели выпрыгнуть, убежать. Потом уже в Польше за пол-литра самогона заполучил я у коменданта станции вагон из брошенного немцами пассажирского поезда «Берлин – Париж». До конца войны катались с комфортом.

День Победы Василий Михайлович встретил в звании капитана под Прагой. А последний рейс его летучка совершила в октябре 1945-го. На этот раз везли не раненых, а женщин из кожно-венерологического госпиталя в Венгрии. Их доставили в Вену. В этом городе Василий Михайлович и служил до 1947 года. Там встретил свою ненаглядную Клавдию Ефимовну, там на ней и женился, там старшая дочь родилась и там же советский военврач впервые увидел газовые плиты, на которых еду готовят.

– В 1946-47-м были не только больные, но и свежие раненые, – вспоминает Василий Михайлович. – Наших солдат часто подстреливали, если они забредали в

английский сектор Вены. Такие вот союзнички.

После войны Василий Андросов доучился в медицинском институте и получил диплом хирурга-травматолога. В Тольятти попал в 1960 году, став главврачом детского санатория в Портпоселке, потом работал в больнице речников.